

УДК 008:316.32(510+520)

UDC 008:316.32(510+520)

**ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ФАКТОРОВ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ
(НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ)****INFLUENCE OF SOCIOCULTURAL
FACTORS ON THE MODERNIZATION
OF THE FAR EASTERN SOCIETIES (ON
THE EXAMPLE OF CHINA AND JAPAN)**

К. Г. Машарский,
*аспирант кафедры языкознания
и страноведения Востока БГУ*

K. Masharski,
*post-Graduate Student of the Department of
Linguistics and Area Studies of the Orient, BSU*

Поступила в редакцию 05.03.19.

Received on 05.03.19.

В статье анализируется влияние социокультурных факторов на модернизацию традиционных культур Китая и Японии в XIX–XX вв. Рассмотрены особенности модернизации Китая и Японии и выявлены основные социокультурные факторы, которые оказали влияние на трансформацию их традиционных культур. Практическая значимость и новизна заключаются в комплексном рассмотрении социокультурных оснований модернизационных процессов в Китае и Японии.

Ключевые слова: социокультурные факторы, дальневосточные общества, модернизация традиционных культур, Китай и Япония.

This article is devoted to the analysis of the influence of sociocultural factors on the modernization of traditional Chinese and Japanese cultures in the XIX and XX centuries. The purpose of the article is to consider the special features of modernization of China and Japan and to identify the main sociocultural factors, which had an impact on the transformation of cultures of these countries. The practical significance and novelty consist in a comprehensive research of the sociocultural basis of the modernization processes in China and Japan.

Keywords: sociocultural factors, the Far Eastern societies, modernization of traditional cultures, China and Japan.

В современной науке теория модернизации часто подвергается критике за приверженность европоцентризму и социальной статике, однако ее категории и положения были приняты на вооружение различными школами и используются при изучении социально-экономических процессов и политических структур. Мы полагаем, что признание значимости цивилизационных и культурных особенностей восточных обществ (по примеру Ш. Эйзенштадта [1]) и роли элит развивающихся обществ (по примеру Э. Шилза [2]) в рамках модернизационной школы способствует сохранению теории модернизации как важного достояния науки.

Теоретико-познавательные возможности модернизационной школы позволяют осветить как современные процессы развития дальневосточных обществ, так и их историко-культурную quintessence. В силу этой причины теория модернизации остается важным и достаточно универсальным инструментом, с помощью которого можно проследить культурную эволюцию Ки-

тая и Японии начиная с ее раннего этапа во второй половине XIX в. и заканчивая стадией формирования индустриального общества в Китае и постиндустриального в Японии в конце XX в.

Рассмотрим концептуальные предпосылки возникновения теории модернизации. В XIX в. в науке утверждается идея научного эволюционизма, основанная на понятиях развития и преобразования от низших форм к более сложным. Теория эволюционизма нашла свое отражение в трудах следующих авторов: Г. Спенсера [3], Д. Леббока [4], Д. Фрэзера [5], Л. Г. Моргана [6], О. Конта [7], Э. Дюркгейма [8], Г. В. Ф. Гегеля [9], Л. Я. Штернберг [10].

На рубеже XIX–XX вв. на смену представлениям об однолинейности исторического развития культуры пришла концепция замкнутых культурно-исторических типов. Теория локальных культур была изложена в работах Дж. Вико [11], О. Шпенглера [12], А. Тойнби [13], Л. Фробениуса [14], Э. Мейера [15], Н. Я. Данилевского [16], П. А. Сорокина [17], Р. Ю. Виппера [18] и др.

В XX в. сформировалась и была обоснована теория модернизации в трудах следующих исследователей: С. П. Хантингтон [19], К. Фуртадо [20], Л. Редфилд [21], Д. Лернер [22], У. Е. Мур [23], Дж. Джермани [24], Ш. Эйзенштадт [1], Э. А. Орлова [25], В. Г. Федотова [26] и др., опирающаяся на методологические основы ранее сформулированных и обоснованных культурологических концепций.

Среди отечественных исследователей проблематика модернизации и влияния социокультурных факторов находят свое отражение в трудах: С. З. Семерник [27], Ч. С. Кирвеля [28], Г. Н. Соколовой [29, 30].

В рамках исследования влияния социокультурных факторов особую ценность приобретают работы Ш. Эйзенштадта, которые во многом способствовали выявлению разнообразия традиционных обществ по степени того, насколько присущие им политические, социальные и культурные факторы задерживали или же, наоборот, облегчали переход к современности.

В соответствии с теоретической конструкцией, сформулированной Ш. Эйзенштадтом, разные религии и основанные на них цивилизации обладают своей особой скоростью изменений. По мнению Ханса Йоаса, в отличие от Вебера, Ш. Эйзенштадт не считал, что причиной более медленного развития некоторых обществ является недостаточная степень рационализации их религий [27, с. 473].

Социокультурные факторы рассматриваются нами как преобладающие культурные традиции и жизненные ценности, оказывающие влияние на развитие обществ. Анализ социокультурных оснований модернизационных процессов в различных странах позволяет сделать вывод о том, что социокультурное измерение пронизывает всю социально-экономическую и социально-политическую жизнь обществ.

Рассмотрим стартовые позиции модернизации традиционных культур Китая и Японии с момента прекращения политики изоляции от внешнего мира во второй половине XIX в.

В отличие от западноевропейской модели истории, представляющей ее ход как линейное поступательное движение, Китай, начиная с эпохи Хань до наших дней, развивался по иному сценарию. Эволюция китайского социума как до середины XIX в., так и в последующее столетие (1840–1949 гг.) происходила в условиях функционирования сельского хозяйства трудointенсивного типа. Он порождал периодические династийно-демографические

циклы, которые сопровождались гигантскими социально-политическими катастрофами, приводившими к смене правящих династий.

Исходя из теоретических постулатов Ш. Эйзенштадта необходимо отметить, что конфуцианская идеология была тесно привязана к политическому устройству Китайской империи. Империя черпала свою легитимность в конфуцианстве, а символика и этика конфуцианства обрели свое надлежащее положение, став средством устройства империи и воплощением единства. Таким образом, среди всех имперских цивилизаций в Китае утвердилось наиболее тесное переплетение, почти полное тождество между культурными и политическими центрами, что представляло резкий контраст, например, с индийским социальным и культурным порядками [1, с. 180].

Имперский центр с его сильной конфуцианской ориентацией и легитимностью был единственным распределителем престижа и почестей в масштабах всего общества. У различных социальных групп или слоев, если исключить чисто локальный уровень, не существовало автономных статусных ориентаций; их основной вид широких ориентаций был сосредоточен на политическом и религиозном центрах.

В отличие от Японии и Кореи в Китае не было наследственной аристократии европейского типа, а высшей группой была бюрократия, оказаться в рядах которой теоретически мог каждый, сдав экзамены на знание конфуцианских трудов.

Необходимо отметить, что одним из первых системных источников новых знаний и информации о странах дальнего зарубежья являлись иезуиты. Среди них определенных успехов добился итальянец Маттео Риччи (1552–1610 гг.), который достиг Пекина в самом начале XVII в. и смог утвердиться при Минском императорском дворе. Изоляционистский Китай не только допустил в свою святую святых иноземца, но и позволил проповедовать религию, отличную от господствующих морально-этического учения и буддизма. Это достижение базировалось на теории и практике «культурной аккомодации», выработанной орденом с первых же лет своего существования [28].

Активная фаза трансформации китайского общества пришлась на период Тайпинского цикла, длившегося с 1850 по 1864 г. Предшествовавшие периоды Минский (1368–1644 гг.) и Цинский (1644–1911 гг.) начинались со смены династии. Длительность циклов постоянно сокращалась. Так, Минский продолжался 276 лет,

Цинский – 206, Тайпинский – 80 лет. В результате первой модернизации Китай был включен в мировой капиталистический рынок.

В конце XIX в. в Китай проникает европейская философия. Важнейшими проводниками западного влияния на философскую и политическую мысль Китая выступали студенты, прошедшие обучение за границей и вернувшиеся на родину. Они несли с собой новые знания, идеи и нередко становились переводчиками на китайский язык трудов европейских авторов. Западная философская мысль имела успех лишь в узкой среде передовой интеллигенции. В остальных слоях общества сохранялось господство конфуцианства.

После падения монархии в реакционных кругах усилилось влияние буддизма. Началось строительство новых храмов, появились различные буддийские ассоциации и клубы. Буддизм приспособлялся к новым условиям – в монастырских школах стали обучать арифметике и английскому языку. Разочарование части интеллигенции в духовных ценностях Запада вызвало откат назад – к защите традиционных устоев, пропаганде конфуцианства, критике современного европейского начала [29, с. 630].

Необходимость модернизации и демократизации культуры стала особенно остро ощущаться передовыми людьми Китая в годы Первой мировой войны. О необходимости обновления культуры заговорила не только новая интеллигенция, но и китайская буржуазия. При этом под словом «культура» понималась вся духовная сфера – наука, религия, мораль, литература, музыка и искусство.

Движение за новую культуру, ставившее своей целью ниспровержение всей системы представлений и духовных ценностей традиционного Китая, было направлено против конфуцианства и неоконфуцианства как жестких тормозов на пути прогресса [29, с. 636].

Конец XIX – начало XX в. занимает особое место в четырехтысячелетней истории китайской культуры. В этот период происходит существенная переоценка и быстрая смена ориентиров. В активную духовную деятельность включились новые общественные слои, и расширились международные культурные связи. Традиционная, в основе своей средневековая культура все еще господствовала, однако она лишилась преобладающего влияния на умы образованного молодого поколения. Стала набирать силу демократическая культура под лозунгами защиты Отечества и социальной справедливости.

Начавшимся переменам противостояла гигантская и инертная массовая архаическая культура, пришедшая в XX в. из древности и Средневековья. Эта традиционная среда сдавала свои позиции лишь частично, и очень узкая прослойка населения имела доступ к «новой культуре», в которой причудливо сочеталось современное и традиционное. Возможность знакомства с западной и японской цивилизацией имели лишь студенты, учившиеся за границей. Именно из этой среды вышло большинство активных борцов за «новую культуру». Им противостояла мощная реакционная сила – *шэньши*, конфуцианские начетчики цеплялись за традиции ради сохранения своего политического и духовного господства.

Фактически модернизация традиционной китайской культуры имела две фазы своего развития – гоминьдановскую и коммунистическую. Для них были характерны различные образцы перестройки общественно-политической и экономической систем, а общим было частичное сохранение преемственности в одних случаях и частичное ее нарушение в других. Среди основных социокультурных факторов, повлиявших на модернизацию Китая, следует выделить иностранное влияние, которое привело к прекращению политики самоизоляции, и роль иезуитов в получении новых знаний.

Рассматривая модернизацию японской культуры, следует отметить, что первые сведения о японцах встречаются в китайских летописях, где Японию называют «страной карликовых людей» [30, с. 203].

По мнению Ш. Эйзенштадта, как и для других имперско-феодальных систем Японии, характерны: значительная выделенность центра, активное взаимодействие центра и периферии; высокая степень самовыраженности в статусной и политической ориентации социальных слоев, а также склонность к формированию относительно широкой идентичности слоев, которую не удалось подавить режиму Токугава (1603–1867 гг.) [1, с. 199].

Во второй половине XVIII в. японцы начали проявлять интерес к научным достижениям западных стран. Ключевыми источниками в получении новых знаний являлись голландцы, которые на протяжении почти двух веков играли роль связующего звена между Японией и Европой. В то же время, как уже ранее упоминалось, проводниками новых знаний для китайцев были иезуиты, а для корейцев преимущественно протестантские миссионеры.

При этом значительных успехов в Японии добились и иезуиты благодаря усилиям из-

вестного проповедника французского происхождения Франциска Ксавье (1506–1552 гг.). Своему ордену он оказал громадные услуги, положив основание могуществу и господству «Общества Иисуса» в Индии, Японии и Китае. Стратегия иезуитов состояла в том, чтобы обратить в свою веру верхи общества, а через них – остальное население. Так, к 1570 г. число обращенных в христианство японцев уже достигло 200 тысяч. Тоётоми Хидэёси беспокоило такое положение дел, и он издал указ об изгнании миссионеров, но их деятельность уже продолжили христианизированные японцы [31, с. 32].

В период контактов Японии и Голландии последняя была одним из наиболее развитых государств Европы и проводила активную колониальную политику по всему миру.

Поступающая голландская научная литература постепенно включалась не только в научный, но и образовательный оборот Японии. Наибольшее влияние она оказала на развитие японской медицины. Это произошло не только благодаря переведенной научной литературе с голландского на японский язык, но и взаимодействию с голландскими врачами, работающими в голландских факториях.

По мере развития контактов с голландцами японцы быстро расширяли спектр своих интересов и постепенно переключились на освоение передовых европейских технологий.

Длительное время, не считая иезуитов, голландцы оставались единственным источником информации для японцев, поэтому можно говорить лишь об относительной изоляции Японии, ибо многое об иностранных государствах изучалось с помощью голландской литературы, которая активно переводилась на японский язык. В то же время США, Франция, Англия и Россия продолжали предпринимать попытки к насильственному открытию Японии.

В 1855 г. благодаря дипломатической миссии Е. В. Путятин был подписан первый договор Российской империи о дружбе и торговле с Японией [36, с. 7]. В то же время первая попытка заключения подобного договора с Японией была предпринята в 1805 г. дипломатической миссией под руководством Н. П. Рязанова. Полагаем, что неудаче Н. П. Рязанова активно способствовали голландцы, незаинтересованные в появлении конкурентов на Японских островах [37, с. 37]. Е. В. Путятину удалось не только заключить договор, но и открыть первую православную церковь в Японии, что послужило основой для деятельности Русской духовной миссии в Японии.

Годом ранее в 1854 г. состоялось подписание неравноправного договора с США, в соответствии с которым американские суда получили право заходить в некоторые японские порты.

Насильственное открытие Японии породило в японцах *глубокий комплекс неполноценности*, ибо в период Токугава, считая свою страну абсолютно самодостаточной, полагали, что им незачем учиться у «варварского» Запада. В этой связи после насильственного открытия в стране существенно изменился психологический климат: из уверенных и самодостаточных японцы превратились в пессимистов.

Канадский историк Г. Норман описывает открытие Японии следующим образом: «В 1853 году феодальная Япония познакомилась впервые с американскими колонизаторами. Орудия американских военных кораблей были направлены на беззащитные японские берега. Действуя путем грубых угроз и шантажа, Соединенные Штаты Америки первыми из капиталистических стран пробили брешь в той непрочной стене, с помощью которой феодальные правители Японии намеревались отгородиться от внешнего мира. Американские и иные колонизаторы опутали Японию кабальными неравноправными договорами и стали бесцеремонно хозяйничать в стране. Насильственное включение Японии в сферу капиталистического товарооборота, осуществленное капиталистической Америкой, было весьма важным фактором, ускорившим наступление революционных событий в 60-х гг. XIX в.» [32, с. 9].

Как отмечает Х. Эйдзиро, после реставрации Мэйдзи у японского народа, который стал жадно поглощать западную культуру, не было времени заняться изучением самого себя и такое положение продолжалось до последнего времени [33, с. 8].

В период Мэйдзи интенсивная модернизация японского общества не могла не отразиться на традиционной японской культуре. Традиционные средства передачи информации приобрели сильного соперника в лице ежедневных газет и журналов. Можно утверждать, что японская культура тоже развивалась по догоняющей модели, интенсивно вбирая в себя атрибуты западной культуры. Сторонники вестернизации, не отрицая роли национального классического наследия, подчеркивали необходимость учиться у Запада для того, чтобы в дальнейшем создать передовую современную культуру из сплава старого и нового [34, с. 6]. При этом следует отметить, что к началу

XX в. в Японии ежегодно издавалось от 18 до 25 тыс. книг, то есть не меньше, чем в крупнейших странах Запада [35, с. 65].

Таким образом, открытие Японии и стремительная модернизация традиционной культуры в корне изменила облик общества и наметила вектор дальнейшего развития. Полагаем, что оправданным будет тезис о том, что одним из залогов экономических успехов Японии в настоящее время в частности является реставрация Мейдзи, прошедшая во второй половине XIX в.

Учитывая, что в странах конфуцианского культурного региона исторически уделяли большое внимание образованию, одной из наиболее важных реформ того времени стала реформа образования, но даже после реформы оно сводилось главным образом к изучению классических конфуцианских книг и основ математики, что уже не отвечало требованиям того времени.

В 1870 г. был принят закон об образовании, предоставивший равные возможности его получения представителям всех сословий, мужчинам и женщинам. В целом образование получали 90 % мальчиков и 80 % девочек, и по объему охвата детей начальным образованием Япония приблизилась к показателям Англии. В то же время в стране появляется много недовольных реформами во всех слоях общества. Крестьяне хоть и получили землю, но были недовольны высокими налогами, самураи были недовольны своим недостаточно высоким положением в обществе, на которое они могли претендовать как основная движущая сила на начальном этапе мейдзийских преобразований.

Расширение связей с западными странами способствовало проведению в середине 1880-х гг. очередной реформы государственного аппарата по германскому образцу.

В период процветания колониальных империй единственный путь к успеху пролегал через поглощение близлежащих государств. Япония, пройдя стремительную модернизацию всех сфер жизнедеятельности общества, нацелилась на колонизацию Кореи. Необходимо отметить, что к концу XIX в. Япония значительно продвинулась в социально-экономическом развитии и по ряду показателей приблизилась к тем странам, которые способствовали ее открытию. Постепенно это позволило добиться равноправного отношения к себе, отменив действие неравноправных договоров.

Впитывание западных ценностей происходило волнообразно. В первые два десятилетия царил эйфория от всего западного, кото-

рое считалось передовым, достойным внимания, в то время как восточное – отсталым, ничего не значащим. Второй этап усвоения западных ценностей начался с конца XIX в., когда начало нарастать недовольство большей части националистически настроенных сил против европеизации.

Нельзя не признать, что, проведя серьезные реформы внутри страны, успешно развивая экономику, практически ликвидировав неравноправные договоры и продемонстрировав военные достижения, Япония уже была готова бороться за полноправное место под солнцем среди развитых стран того времени.

С момента окончания Второй мировой войны модернизация японского общества происходила под значительным американским влиянием, также, как это происходило и в Южной Корее. Во второй половине XX в. Япония, развиваясь в соответствии с доктриной Ёсида, совершила значительный рывок в социально-экономическом развитии и осовременивании политических институтов в соответствии с демократическими требованиями Запада.

Первичная модернизация Китая и Японии в конце XIX – начале XX в. послужила импульсом для переоценки и быстрой смены ориентиров общества. Традиционная и в основе своей средневековая культура все еще господствовала над умами масс, но в то же время был положен конец политике самоизоляции и были установлены международные культурные связи. Традиционная культура постепенно сдавала свои позиции, все сферы жизнедеятельности были охвачены волной перемен.

У каждой из стран (Китай и Япония) вторичная модернизация по сравнению с первичной принесла более существенный разрыв с прошлым и связана с нарушением преемственности. Первичная модернизация затронула символику политической системы и основы легитимизации режима. Вторая была связана с тем, что, оказавшись у власти, определенная политическая элита осуществила широкую перестройку систем социально-политических институтов. Новые правящие элиты имели самостоятельные корни и находились в процессе своего становления.

Таким образом, традиционные культуры Китая и Японии прошли две волны модернизации: одна во второй половине XIX в., а вторая во второй половине XX в. Общим для обеих стран является то, что две волны протекали под значительным влиянием внешних социально-политических и экономических факторов. В случае Японии одним из модернизаци-

онных оснований послужили голландцы, а в Китае иезуиты. В качестве движущих модернизационных сил выступала молодежь,

прошедшая обучение за границей и стремящаяся многое изменить в стране в соответствии с западными образцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эйзенштадт, Ш. Н.* Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Н. Айзенштадт; пер. с англ. А. В. Гордона; науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 415 с.
2. *Shils, E. A.* The intellectuals in the political development of the new states / E. A. Shils // World Politics. – 1960. – Vol. 12, № 3. – P. 329–368.
3. *Спенсер, Г.* Философия Герберта Спенсера / Г. Спенсер; в сокр. излож. Г. Коллинса; с предисл. Г. Спенсера; пер. с англ. П. В. Мокиевского. – 2-е изд. рус., доп. по 3-му англ. изд., с прибавл. сокр. излож. всех вновь вышедших частей «Синтетической философии». – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1897. – XII, 448 с.
4. *Леббок, Дж.* Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей / Дж. Леббок; пер. 3-го англ. изд. под ред. Д. Н. Анучина. – М.: Ред. сб. «Природа», 1876. – Разд. паг.
5. *Фрэзер, Д. Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии: пер. с англ. / Д. Д. Фрэзер; послесл. С. А. Токарева. – М.: АСТ: Ермак, 2003. – 781 с.
6. *Морган, Л. Г.* Древнее общество = Ancient society: исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л. Г. Морган; пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. – 3-е изд. – М.: URSS: Либроком, 2012. – X, 344 с.
7. *Конт, О.* Общий обзор позитивизма / О. Конт; пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. – 2-е изд. – М.: URSS: Либроком, 2011. – [151] с.
8. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 431 с.
9. *Гегель, Г. В. Ф.* Введение в философию: философская пропедевтика / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем., предисл. и примеч. С. Ф. Васильева. – 3-е изд. – М.: URSS: Либроком, 2013. – 259 с.
10. *Штернберг, Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии: исслед., ст., лекции / Л. Я. Штернберг; сост. С. А. Ратнер-Штернберг; под ред. Я. П. Алькора. – 2-е изд. – М.: URSS: Либроком, 2012. – 571 с.
11. *Вико, Д.* Основания Новой науки: об общей природе наций / Д. Вико; пер. с итал. и коммент. А. А. Губера; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Лившица. – М.; Киев: REFL-book; ИСА, 1994. – 618 с.
12. *Шпенглер, О.* Закат Европы / О. Шпенглер; пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. – М.: Искусство, 1993. – 303 с.
13. *Тойнби, А. Д.* Цивилизация перед судом истории: сборник / А. Д. Тойнби; пер. с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой. – М.: Прогресс. Культура; СПб.: Ювента, 1996. – 478 с.
14. *Фробениус, Л.* Детство человечества: первобытная культура аборигенов Африки и Америки / Л. Фробениус; пер. с нем. С. Д. Чулока. – изд. стер. – М.: URSS: Либроком, 2016. – 368 с.

REFERENCES

1. *Eyzenshtadt, Sh. N.* Revolyutsiya i preobrazovaniye obshchestv: sravnitelnoye izucheniye tsivilizatsiy / Sh. N. Ayzenshtadt; per. s angl. A. V. Gordona; nauch. red. per. B. S. Yerasov. – M.: Aspekt Press, 1999. – 415 s.
2. *Shils, E. A.* The intellectuals in the political development of the new states / E. A. Shils // World Politics. – 1960. – Vol. 12, № 3. – P. 329–368.
3. *Spenser, G.* Filosofiya Gerberta Spensera / G. Spenser; v sokr. izlozh. G. Kollinsa; s predisl. G. Spensera; per. s angl. P. V. Mokiyevsogo. – 2-ye izd. rus., dop. po 3-mu angl. izd., s pribavl. sokr. izlozh. vseh novy vyshedshikh chastey "Sinteticheskoy filosofii". – SPb.: Izd. F. Pavlenkova, 1897. – XII, 448 c.
4. *Lebbok, Dzh.* Doistoricheskiye vremena, ili Pervobytnaya epokha chelovechestva, predstavlenneya na osnovanii izucheniya ostatkov drevnosti i npravov i oby chayev sovremennykh dikarey / Dzh. Lebbok; per. 3-go angl. izd. pod red. D. N. Anuchina. – M.: Red. sb. "Priroda", 1876. – Razd. pag.
5. *Frezer, D. D.* Zolotaya vetv: issledovaniye magii i religii: per. s angl. / D. D. Frezer; poslesl. S. A. Tokareva. – M.: AST: Yermak, 2003. – 781 s.
6. *Morgan, L. G.* Drevneye obshchestvo = Ancient society: issledovaniye liniy chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii / L. G. Morgan; per. s angl. pod red. M. O. Kosvena. – 3-ye izd. – M.: URSS: Librokom, 2012. – X, 344 c.
7. *Kont, O.* Obshchiy obzor pozitivizma / O. Kont; per. s fr. I. A. Shapiro; pod red. E. L. Radlova. – 2-ye izd. – M.: URSS: Librokom, 2011. – [151] s.
8. *Dyurkgeym, E.* O razdelenii obshchestvennogo truda / E. Dyurkgeym; per. s fr. A. B. Gofmana. – M.: Kanon, 1996. – 431 s.
9. *Gegel, G. V. F.* Vvedeniye v filosofiyu: filosofskaya propedevtika / G. V. F. Gegel; per. s nem., predisl. i primech. S. F. Vasilyeva. – 3-ye izd. – M.: URSS: Librokom, 2013. – 259 s.
10. *Shternberg, L. Ya.* Pervobytnaya religiya v svete etnografii: issled., st., lektzii / L. Ya. Shternberg; sost. S. A. Ratner-Shternberg; pod red. Ya. P. Alkora. – 2-ye izd. – M.: URSS: Librokom, 2012. – 571 s.
11. *Viko, D.* Osnovaniya Novoy nauki: ob obshchey prirode natsiy / D. Viko; per. s ital. i komment. A. A. Gubera; obshch. red. i vstup. st. M. A. Livshitsa. – M.; Kiyev: REFL-book; ISA, 1994. – 618 s.
12. *Shpengler, O.* Zakat Yevropy / O. Shpengler; per. s nem. pod red. A. A. Frankovskogo. – M.: Iskusstvo, 1993. – 303 s.
13. *Toynbi, A. D.* Tsivilizatsiya pered sudom istorii: sbornik / A. D. Toynbi; per. s angl. I. Ye. Kiselevoy, M. F. Nosovoy. – M.: Progress. Kultura; SPb.: Yuventa, 1996. – 478 s.
14. *Frobenius, L.* Detstvo chelovechestva: pervobytnaya kultura aborigenov Afriki i Ameriki / L. Frobenius; per. s nem. S. D. Chuloka. – izd. ster. – M.: URSS: Librokom, 2016. – 368 s.

15. *Мейер, Э.* Экономическое развитие древнего мира / Э. Мейер; пер. под ред. М. О. Гершензона. – 3-е изд. – М.: Мир, 1910. – 108 с.
16. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М.: Инфра-М, 2016. – 428 с.
17. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин; пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Акад. проект, 2017. – 964 с.
18. *Виппер, Р. Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII–XIX вв.: теория прогресса / Р. Ю. Виппер. – Иваново-Вознесенск: Основа, 1925. – X, 196 с.
19. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций: пер. с англ. / С. Хантингтон; послесл. С. Переслегина. – М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003. – 603 с.
20. *Furtado, C.* Economic development of Latin America: historical background and contemporary problems / C. Furtado. – 2nd ed. – London: Cambridge Univ. Press, 1976. – 317 p. – (Cambridge Latin American Studies; 8).
21. *Redfield, R.* The cultural role of cities / R. Redfield, M. B. Singer // Econ. Development a. Cultural Change. – 1954. – Vol. 3, № 1: The role of cities in economic development and cultural change. – P. 53–73.
22. *Lerner, D.* The passing of traditional society: modernizing the Middle East / D. Lerner. – New York: Free Press of Glencoe, 1964. – XIII, 466 p.
23. *Moore, W. E.* World modernization: the limits of convergence / W. E. Moor. – New York; Oxford: Elsevier, 1979. – XI, 167 p.
24. *Джержани, Дж.* Основные характеристики процесса модернизации / Дж. Джержани // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М., 1998. – С. 464–467.
25. *Орлова, Э. А.* Социокультурные предпосылки модернизации в России / Э. А. Орлова // Библиотека в эпоху перемен: философско-культурологические и информационные аспекты: информ. сб. (дайджест) / Рос. гос. б-ка, Информкультура. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 7–42.
26. *Федотова, В. Г.* Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М.: Прогресс-традиция, 2005. – 543 с.
27. *Семерник С. З.* Человек в экономоцентричном обществе: перспективы и риски. Монография / С. З. Семерник; Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы». – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. – 199 с.
28. *Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / под ред. д-ра философ. наук, проф. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.*
29. *Соколова Г. Н.* Модернизация как процесс изменения социальной структуры белорусского общества / Г. Н. Соколова // Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 499 с.
30. *Соколова Г. Н.* Модернизация по «догоняющему типу» в Беларуси: состояние, проблемы, направления решения / Г. Н. Соколова // Социологический Альманах. 2014. – Выпуск 6. – С. 103–112.
15. *Meyyer, E.* Ekonomicheskoye razvitiye drevnego mira / E. Meyyer; per. pod red. M. O. Gershenzona. – 3-ye izd. – M.: Mir, 1910. – 108 s.
16. *Danilevskiy, N. Ya.* Rossiya i Yevropa: vzglyad na kulturnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu / N. Ya. Danilevskiy. – M.: Infra-M, 2016. – 428 s.
17. *Sorokin, P. A.* Sotsialnaya i kulturnaya dinamika / P. A. Sorokin; per. s angl., vstup. st. i komment. V. V. Sapova. – M.: Akad. proyekt, 2017. – 964 s.
18. *Vipper, R. Yu.* Obshchestvennyye ucheniya i istoricheskiye teorii XVIII–XIX vv.: teoriya progressa / R. Yu. Vipper. – Ivanovo-Voznesensk: Osnova, 1925. – X, 196 s.
19. *Khantington, S.* Stolknoveniye tsivilizatsiy: per. s angl. / S. Khantington; poslesl. S. Pereslegina. – M.: AST; SPb.: Terra fantastica, 2003. – 603 s.
20. *Furtado, C.* Economic development of Latin America: historical background and contemporary problems / C. Furtado. – 2nd ed. – London: Cambridge Univ. Press, 1976. – 317 p. – (Cambridge Latin American Studies; 8).
21. *Redfield, R.* The cultural role of cities / R. Redfield, M. B. Singer // Econ. Development a. Cultural Change. – 1954. – Vol. 3, № 1: The role of cities in economic development and cultural change. – P. 53–73.
22. *Lerner, D.* The passing of traditional society: modernizing the Middle East / D. Lerner. – New York: Free Press of Glencoe, 1964. – XIII, 466 p.
23. *Moore, W. E.* World modernization: the limits of convergence / W. E. Moor. – New York; Oxford: Elsevier, 1979. – XI, 167 p.
24. *Dzhermani, Dzh.* Osnovnyye kharakteristiki protsessa modernizatsii / Dzh. Dzhermani // Sravnitelnoye izucheniye tsivilizatsiy: khrestomatiya / sost. B. S. Yerasov. – M., 1998. – S. 464–467.
25. *Orlova, E. A.* Sotsiokulturnyye predposylki modernizatsii v Rossii / E. A. Orlova // Biblioteka v epokhu peremen: filosofsko-kulturologicheskiye i informatsionnyye aspekty: inform. sb. (daydzhest) / Ros. gos. b-ka, Informkultura. – M., 2001. – Vyp. 2. – S. 7–42.
26. *Fedotova, V. G.* Khorosheyeye obshchestvo / V. G. Fedotova. – M.: Progress-traditsiya, 2005. – 543 s.
27. *Semernik S. Z.* Chelovek v ekonomotsentrichnom obshchestve: perspektivy i riski: monografiya / S. Z. Semernik; Uchrezhdeniye obrazovaniya "Grodnenskiy gos. un-t im. Ya. Kupaly". – Grodno: GrGU im. Ya. Kupaly, 2014. – 199 s.
28. *Sovremennyye globalnyye transformatsii i problema istoricheskogo samoopredeleniya vostochnoslavjanskikh narodov: monogr. / pod red. d-ra filosof. nauk, prof. Ch. S. Kirvelya. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Grodno: GrGU, 2009. – 547 s.*
29. *Sokolova G. N.* Modernizatsiya kak protsess izmeneniya sotsialnoy struktury belorusskogo obshchestva / G. N. Sokolova // Belarus na puti v budushcheye: sotsiologicheskoye izmereniye / I. V. Kotlyarov [i dr.]; redkol.: I. V. Kotlyarov (gl. red.) [i dr.]; In-t sotsiologii Nats. akad. nauk Belarusi. – Minsk: Belarus. navuka, 2015. – 499 s.
30. *Sokolova G. N.* Modernizatsiya po „dogonyayushchemu tipu“ v Belarusi: sostoyaniye, problemy, napravleniya resheniya / G. N. Sokolova // Sotsiologicheskii Almanakh. 2014. – Vypusk 6. – S. 103–112.

31. Йоас, Х. Социальная теория : двадцать вввод. лекций / Х. Йоас, В. Кнебль ; пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. – СПб. : Алетейя, 2013. – 838 с.
32. Дубровская, Д. В. Миссия иезуитов в Китае : Маттео Риччи и другие, 1552–1775 гг. / Д. В. Дубровская. – М. : Крафт+ : Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, 2001. – 251 с.
33. Непомнин, О. Е. История Китая: эпоха Цин XVII – начало XX века / О. Е. Непомнин. – М. : Вост. лит., 2005. – 711 с.
34. Серебряный, А. Я. Восточноазиатская цивилизация: от возникновения до конца XIX в. : текст лекций / А. Я. Серебряный. – Волгоград : Перемена, 2005. – 272 с.
35. Симбирцева, Т. М. «Загадочный барон» П. Г. фон Меллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882–1885) / Т. М. Симбирцева // Вопросы истории Кореи : Петерб. науч. семинар, 2001 : сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2002. – С. 25–44.
36. Лещенко, Н. Ф. Посол с погонями адмирала. Необычная судьба Е. В. Путятина (1804–1883) / Н. Ф. Лещенко. – «Восточный архив». 2015. – № 2. – С. 7–11.
37. Лещенко, Н. Ф. Посольство Н. П. Резанова (1803–1805) и Е. В. Путятина (1852–1855) в Японию / Н. Ф. Лещенко // Восточный архив. – М., 2009. – № 1(19). – С. 34–45.
38. Норман, Г. Становление капиталистической Японии: экономические и политические проблемы периода Мэйдзи / Г. Норман ; сокр. пер. с англ. П. П. Топеха ; ред. и предисл. Е. М. Жукова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1952. – 231 с.
39. Эйдзи́ро, Х. Социальная история Японии / Х. Эйдзи́ро ; пер. с яп. яз. Н. Фельдман ; под ред. Н. И. Конрад, О. В. Плетнер. – М. : Крас. студенчество, 1927. – 140 с. – (Труды / Моск. ин-т востоковедения при ЦИК СССР ; 7).
40. Долин, А. Серебряный век японской культуры и поэтическое возрождение / А. Долин // Японская поэзия Серебряного века: танка, хайку, киндайси / в пер. А. Долина. – СПб., 2004. – С. 5–12.
41. Молодяков, В. Э. История Японии, XX век / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. – М. : Крафт+, 2007. – 526 с.
31. Yoas, Kh. Sotsialnaya teoriya : dvadtsat vvvod. lektsiy / Kh. Yoas, V. Knebl ; per. s nem. K. G. Timofeyevoy. – SPb. : Aleteyya, 2013. – 838 s.
32. Dubrovskaya, D. V. Missiya iyezuitov v Kitaye : Matteo Richchi i drugiye, 1552–1775 gg. / D. V. Dubrovskaya. – M. : Kraft+ : In-t vostokovedeniya Ros. akad. nauk, 2001. – 251 s.
33. Nepomnin, O. Ye. Istoriya Kitaya: epokha Tsin XVII – nachalo XX veka / O. Ye. Nepomnin. – M. : Vost. lit., 2005. – 711 s.
34. Serebryanny, A. Ya. Vostochnoaziatskaya tsivilizatsiya: ot vzniknoveniya do kontsa XIX v. tekst lektsiy / A. Ya. Serebryanny. – Volgograd : Peremena, 2005. – 272 s.
35. Simbirtseva, T. M. “Zagadochnyy baron” P. G. fon Mellendorf i yego “prorusskaya” deyatelnost v Koreye (1882–1885) / T. M. Simbirtseva // Voprosy istorii Korei : Peterb. nauch. seminar, 2001 : sb. st. / S.-Peterb. gos. un-t. – SPb., 2002. – S. 25–44.
36. Leshchenko, N. F. Posol s pogonami admirala. Neobychnaya sudba Ye. V. Putyatina (1804–1883) / N. F. Leshchenko. – “Vostochnyy arkhiv” 2015. – № 2. – S. 7–11.
37. Leshchenko, N. F. Posolstvo N. P. Rezanova (1803–1805) i Ye. V. Putyatina (1852–1855) v Yaponiyu / N. F. Leshchenko // Vostochnyy arkhiv. – M., 2009. – № 1(19). – S. 34–45.
38. Norman, G. Stanovleniye kapitalisticheskoy Yaponii: ekonomicheskiye i politicheskiye problemy perioda Meydзи / G. Norman ; sokr. per. s angl. P. P. Topekha ; red. i predisl. Ye. M. Zhukova. – M. : Izd-vo inostr. lit., 1952. – 231 s.
39. Eydziro, Kh. Sotsialnaya istoriya Yaponii / Kh. Eydziro ; per. s yap. yaz. N. Feldman ; pod red. N. I. Konrad, O. V. Pletner. – M. : Kras. studenchestvo, 1927. – 140 s. – (Trudy / Mosk. in-t vostokovedeniya pri TSIK SSSR ; 7).
40. Dolin, A. Serebryanny vek yaponskoy kultury i poeticheskoye vrozhdeniye / A. Dolin // Yaponskaya poeziya Serebryanogo veka: tanka, khayku, kindaysi / v per. A. Dolina. – SPb., 2004. – S. 5–12.
41. Molodyakov, V. E. Istoriya Yaponii, XX vek / V. E. Molodyakov, E. V. Molodyakova, S. B. Markaryan. – M. : Kraft+, 2007. – 526 s.